

Белорусский государственный университет

**СТУДЕНТ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В БГУ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ
СОВРЕМЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ**

Учебный процесс в первые годы работы БГУ был столь же организован, сколь подвержен анархии. Такое положение дел органично вытекало из общей логики времени революционных преобразований. Однако следует принять в расчет совершенно конкретные условия становления университетского образования на белорусской земле, а именно – наличие двух факторов. Во-первых, Правление БГУ во главе с ректором стремилось учесть и использовать богатый опыт университетов дореволюционной России, носителями которого была плеяда выдающихся профессоров. Это было как бы здоровое консервативное начало университетского строительства. С другой стороны,

68

отсутствие необходимых условий для реализации этого опыта, низкий уровень изначальной подготовки первых студентов, неопределенность экономических и идеологических ориентиров в условиях новой экономической политики предопределяли возможность (и даже необходимость) поиска новых методик, форм организации учебной деятельности. Образцы можно было заполучить в Центре (как, например, применять лабораторный метод) [4, л. 70; 5, л. 75]. Более того, инициирование идей обновления высшего образования, отрешение от старорежимных принципов как бы шло в «зачет» «старой» профессуре и университетской администрации, демонстрировало степень их лояльности и понимания политики пролетарской власти. Нельзя не принимать в расчет и настроения пролетарского в большинстве своем (по крайней мере, по общему духу) студенчества, которое тогда имело, несомненно, высокую степень воздействия на все стороны университетской жизни. Учителя вынуждены были идти на поводу у учеников даже там, где компетенция последних была почти нулевой, но было их «пролетарское чутье». Поэтому, например, студенты факультета общественных наук были вольны выбирать не только время сдачи зачетов по всем предметам аморфного учебного плана, но и сроки защиты дипломных работ. Так, для готовящегося первого выпуска (фактически с трехлетним сроком обучения) дипломную работу можно было защищать в течение трех месяцев – с октября по декабрь 1925 г. В данном случае исходили не только из требований студентов, но и из очевидного положения дел: почти все студенты вынуждены были работать. Состоявшийся 21 февраля 1925 г. и приуроченный ко дню пролетарского студенчества первый выпуск БГУ был настолько «скороспелым», что первые дипломированные белорусские юристы и экономисты приступили к работе без защиты диплома и без получения соответствующей квалификации (тогда она называлась «званием»). Лишь позднее эти недочеты были устранены, и специалисты вместо свидетельств получили на руки полновесные дипломы.

С подобным положением дел мирились, но не могли принять в принципе те, кто в прежние времена познал строгий порядок и системность образовательного процесса. Поэтому увлечение во второй половине 20-х гг. научной организацией труда (НОТ) естественным образом коснулось и проблем стабильности (да просто наличия) учебных планов, расписания занятий, форм и методики проведения учебных занятий, уместности и диапазонов самостоятельной учебной работы студентов, оценки их знаний и усвоения материала и др. Правда, студенты-НОТовцы, в отличие от педагогов, как и ранее демонстрировали достаточно легковесное отношение к организационным основам учебного процесса. И находили «понимание» в высших инстанциях. Так, когда профессор-химик Э. В. Змачинский перед зачетом заставил студентов спря-

69

тать все лишнее и продемонстрировать самостоятельность в подготовке к ответу, то эти действия были оценены Наркоматом просвещения как «нетактичные» [6, л. 137–138]. Как и в начале 20-х гг., так и затем, расписание занятий, время их начала и завершения, эти основополагающие «догмы» сегодняшнего дня, не были чем-то устоявшимся. В порядке вещей было и 1927/1928 учебный год начать для разных курсов и разных факультетов в разное время (то ли в конце сентября, то ли уже в разгар октября). А тем более формы проведения занятий могли варьироваться без учета давно отработанных и проверенных практикой методических предписаний. Например, переходы с лекционных форм на формы лабораторные, бригадные, продиктованные столь вдруг ставшим популярным Дальтон-планом и т.п., подавались не как фактическое

разрушение устоев работы высшей школы, не как поиск путей удешевления ее содержания, а как отрешение от старого, прогнившего, как сущностная характеристика советского, пролетарского образования. Потребность в массово подготовленном специалисте возростала, а экономические возможности государства оставались весьма ограниченными. Попытка расширить систему заочного обучения с начала 30-х гг. наткнулась на отсутствие методического его сопровождения. Студент-заочник, занятый на стройках социалистической индустрии и в колхозном переустройстве села, нуждался не только во времени для посещения вуза, но, прежде всего, в элементарном обеспечении его самостоятельного учебного труда. А надлежащих учебно-методических материалов просто не было, как и хотя бы некой системы контроля и проверки знаний. Поэтому лишь 30 % заочников педагогического факультета хоть как-то смогли проимитировать свою учебу в первые полгода существования особого заочного отделения. Перед наркоматом просвещения республики был поставлен вопрос о необходимости организации «уголка заочника» с приданием ему Центральной (то есть для заочников всех белорусских вузов) библиотеки. Ее задачей должно было стать аккумулирование учебной литературы для высылки во временное пользование студентам. Одновременно была определена «норма» контрольных письменных работ (одна на два задания по дисциплине), как и параметры самих заданий (их текстовый объем не должен был превышать 2–3 страницы).

Как для заочной формы обучения, так и дневной поиск оптимального в учебном процессе продолжался и на протяжении 30-х гг. Эффективность находок организационного и методического плана никак не могла удовлетворить все заинтересованные стороны: и студентов, и преподавателей, и власть, и потребителей «продукта» университетской деятельности. Поэтому естественным стало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г., которое обязало резко улучшить подготовку научно-педагогических кадров

через усиление трудовой и учебной дисциплины как профессора, так и студента. Шел 1936 год! Но и он не смог «помочь» изыскать те резервы, которые бы при минимальных затратах принесли разительный образовательный эффект. Как и прежде многие новации подавались широковещательно в СМИ, проходили чуть ли не ежедневные собрания разных уровней с панегириками в адрес активных участников очередных реформ и бичеванием пассивной части преподавателей и студентов. А на деле движения вперед почти не было, да и ожидать его вряд ли было возможным, учитывая масштабность самой системы высшего образования и тех задач, которые перед ней ставились «свыше». Так, анализируя итоги зимней сессии 1936/1937 учебного года, профессор Н. Ф. Ермоленко (а в то время он исполнял обязанности ректора) удовлетворенно констатировал, что отмена семинарских занятий, проводившихся ассистентами химфака, принесла положительный результат: они, мол, были лишь «непатрѣбным паўтарэннем лекцый». Это нововведение позволило в строго нормированной занятости (исключительно лекциями и практическими) шестидневке «выкроить» свободный день для самостоятельной работы старшекурсников. По схожему плану действовали и на других факультетах БГУ. Однако новый виток обращения к самостоятельной работе студентов был прежде всего обусловлен не столько убеждением в ее продуктивности (обеспеченность этой работы оставалась крайне низкой), сколько катастрофической нехваткой квалифицированных преподавателей. И при этой методической «находке» учебный план был выполнен только на 95,5 % [4]. Позже (уже в 1939 г.) ректор П. П. Савицкий был вынужден констатировать, что надлежащей организации учебного процесса добиться не удалось. В этом были якобы виноваты кафедры, которые не контролировали учебу студентов и не отслеживали качество преподавания и научно-исследовательской работы. В пресечении подобного, как было указано ректором, партия дала руководству университета «выдатную зброю». Что за она – стоит только догадываться. Но вряд ли и эта «зброя» могла помочь преодолеть безрадостную картину прежних лет, когда кафедры БГУ были в стороне от создания учебников (их присылала Москва, но их всегда не хватало), а бесконечные изменения учебных планов и расписаний оставались в порядке вещей и явно не способствовали студенческой самостоятельности [6]. А они же из года в год просили, возмущаясь, наладить учебный процесс так, чтобы экзамены и зачеты проводились по окончании чтения курсов, в том же семестре. Но и это ректорат обеспечить не мог из-за «кадрового голода»: в 1938 г. констатировалось, что почти 50% ППС в БГУ были приглашенными со стороны, а не состоявшими в штате.

Вчитываясь в рекламные проспекты факультетов, которые в университетской многотиражке публиковали их деканы накануне приемной кампании [5],

ловишь себя на мысли: а что собственно нового мы имеем сейчас? Те же лекции и практические занятия, учебные дисциплины и их распределение по курсам почти идеально повторяемо ныне. В этом, видимо, и следует видеть позивное наследие советской высшей школы – то есть в отстроенной системности, организованности (может, все же заорганизованности?) учебного процесса. Да и все методические «изыски» дня сегодняшнего не раз проходили апробацию в университетских аудиториях. Вот только обращение к ним в каждом конкретном случае определялось временем. Для 20-х гг. та же самостоятельная работа студентов

была навеяна всеобщим духом перемен и стремлением к свержению авторитетов (даже если ими были крупнейшие специалисты-профессора, интеллигенты уже не в первом поколении) тех достаточно немолодых по возрасту студентов, которые свою низкую подготовленность пытались преодолеть не кропотливым трудом, а революционным натиском. В 30-е гг. обращение к самостоятельности студентов уже в большей мере исходило от администрации и самой власти, пытавшихся таким образом компенсировать дефицит кадров ППС. Современное увлечение КСР и ее аналогами, думается, не имеет причинных корней тех не таких уж и далеких лет. Если и можно говорить о чем-то революционном в современной действительности, так это наше суверенное развитие в ряду мирового сообщества, что само по себе налагает очевидные обязательства быть в единстве с ним, но рассчитывать на свои силы, а значит стремиться к самостоятельности во всем и воспитывать ее в себе и в обществе в целом. Это предопределено стремительным и постоянным нарастанием информационного пространства, постижение которого в своей профессиональной деятельности есть удел всякого выпускника высшей школы. Без надлежащей самостоятельности при овладении знаниями никак не обойтись. Задачей ППС и всех уровней администрации высшей школы, наряду с совершенствованием, традиционных форм учебной работы, опирающихся на высокую квалификацию Учителя, становится создание условий для реализации студенческих инициатив, как, впрочем, и побуждение молодежи к самореализации в творчестве и «погоне» за знаниями. Однако при неприменном жестком контроле и оценках достигнутого уровня знаний. Все это предполагает не временную «кампанейщину», как не раз было в прошлом, а ежедневный организованный (и обеспеченный современными образовательными средствами и технологиями) труд всего преподавательского корпуса университетов, факультетов, кафедр.

ЛИТЕРАТУРА

1. За ленінскія кадры. 1937. 23 лютага.
2. За ленінскія кадры. 1938. 4 ліпеня.

72

3. За ленінскія кадры. 1938. 6 верасня.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 55.
5. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 80.
6. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 548.

73